

Часть первая

ОРДЕН ЧЕРНОГО ВОЛКА

Глава 1

ЗАМОК И ВОЛКИ

Австрия, 1591 год, весна

Замок Маутендорф располагается в Западной Австрии, в предгорье Альп. Он стоит на высоком холме, как и положено, чтобы сподручней было контролировать окружающую местность и отбивать нападения иноземных захватчиков, завистливых и кичливых князей-соседей, и всяких прочих врагов. Это небольшой каменный город с узкими улицами, торчащими вверх круглыми и квадратными башнями, окруженный толстой высокой стеной и некогда глубоким, но уже изрядно обмелевшим рвом. Везде тревожно пахнет дымом печей и железом, в нос бьет резкий запах собак и мусора. Постоянно заезжают и уезжают обозы, кареты, всадники — среди них встречаются разбойники, убийцы и воры. Днем очень шумно: ругаются торговцы, ржут кони, блеют бараны, ревет скот, приведенный на продажу, лают собаки, скрипят повозки и телеги. По ночам замок засыпает, зато слышен вой подходящих вплотную волков...

Неподалеку от Маутендорфа располагаются шахты, в которых добывают соль — это не только кулинарная добавка, но и необходимый для жизнедеятельности человека продукт, стратегическое сырье, поэтому тяжело груженные мешками телеги расплзаются отсюда по всей Европе, а многие считают, что и по всему миру.

Правее и ближе к горной цепи выглядывают из леса башни замка Моосхам. Эти две крепости должны преградить путь вражеским войскам, если они вздумают напасть на Австрийскую империю. Но обстановка была спокойной, враг не появлялся, и замки выполняли другие функции: в Маутендорфе размещалась таможня и управление соляными копиями, а в Моосхаме находились суд, тюрьма и даже плаха: на центральной площади производились казни. Когда соперничающие между собой Господа замков хотели похвастать перед визитерами, то князь фон Веллинсгаузен гордо объявлял, что в его руках правосудие и меч палача, а князь фон Бауэрштейн, тонко улыбаясь, просил не угощать гостей этими лакомствами, предлагая взамен хлеб и соль, жареную оленину и изъятые таможенниками контрабандные меховые куртки... Надо ли говорить, кто из князей выглядел щедрее и умнее?

Штефан много времени проводил на сторожевой башне Маутендорфа, оглядывая бесконечные леса вокруг, выстроенную рядом одноименную с замком деревню, проходящую мимо довольно широкую дорогу, по которой ежедневно проезжают в обоих направлениях десятки торговых обозов, карет, крестьянских телег, разномастных повозок, едут конные, идут пешие — поодиночке, а то и целыми семьями... Весь этот поток фильтрует пост таможенных стражников, которые пропускают обычных путников, а купцов и всевозможный торговый люд направляют в замок, на таможню, для проверки.

Со сторожевой башни открывались великолепные виды на высокие горы, снежные вершины которых, в совокупности с бескрайним лесным массивом, создавали прекрасный пейзаж, с чистым воздухом, которым привольно дышалось и от которого радо-

валась душа. Но Штефан и его напарник Маркус, как и остальные местные жители, к этому привыкли и никакого внимания на природные красоты не обращали.

Тем более что дежурили они по ночам, а ночью ничего этого, естественно, видно не было. Даже факелы у входных ворот потушила непогода. Собиралась гроза. Дождь уже начался, но еще не вошел в силу, резкий холодный ветер со всех сторон пронизывал насквозь пустые оконные проёмы наблюдательной башни, торчащей из толстой замковой стены. Двое ночных стражников дрожали и жались друг к другу не столько от тесноты: шлемы, нагрудники и кольчуги защищают от стрел и клинков, но не от холода, наоборот — выстывшее железо стремится охладить и упакованные в него мягкие, теплые тела. Дрожи добавляла и доля тревоги: угрожающе гремел гром, частые вспышки молний зловещим светом освещали раскинувшуюся в долине деревню, поросшие густым лесом холмы вокруг и дорогу — один из основных путей через Альпы, соединяющий Австрию и Италию. В такую ночь можно ждать чего угодно: и иноземной осады, и разбойничьего налета, и злых козней нечистой силы...

— Спустишь, сделаю обход, — преодолевая себя, сказал Штефан. — Позже погода будет еще хуже...

— Подожди! — схватил его за рукав Маркус. — Лучше держаться вместе и не покидать пост! Чего там ходить?! Всё заперто, улицы пустые... А вдруг за углом кто-то поджидает? Даст топором по башке, и шлем не спасет.

— Кто может меня поджидать?

— Злодей какой-то с постоялого двора или разбойник... А то и нечисть какая... В такую злую ночь лучше сидеть здесь!

Будто в подтверждение его слов со стороны недалекой деревни донёлся собачий лай, но тут же прервался — собака придушенно заскулила и, взвизгнув, смолкла, словно кто-то большой и сильный схватил ее за горло и перегрыз в один миг...

— Волки! — поднял палец Маркус. — Их столько развелось, что уже и на людей нападают.

— Похоже, ты прав! Прошлой ночью у самых стен выли.

— У стен... Мне Харди Хитрый рассказывал, что они даже сюда пробираются как-то. Он сам, говорит, видел волка ночью внутри замка.

— Верь ему больше! Ворота всегда засветло запираем... Как они перелезут через стену?

— Не знаю как, а только Харди нет никакого смысла мне врать...

В это время разверзлись небеса, и крупные капли частой дробью застучали по черепичной крыше.

— Нехорошая ночь! — сказал Маркус. — Зловещая. В такую ночь души невинно убиенных летают и кричат... Только их никто не слышит...

Штефан вздохнул.

— Вчера как раз в «замке ведьм» одну казнили, мне брат сказал, он там был. Говорит, красивая — глаз не отведешь...

— Да все знают, откуда в этом Моосхаме берутся ведьмы! — с досадой воскликнул Маркус. — Вся округа болтает: как красивая девка князю не дала, так ее тут же и объявляют ведьмой! Могут в монастырь заточить, а могут и голову отрубить!

Штефан испуганно оглянулся, как будто здесь кто-то мог услышать их разговор.

— Ты меньше языком трепи! А то нас быстро отправят в соляную шахту... А там каждую неделю кого-нибудь заваливает!

— Ладно, ладно... — Маркус сунул руку за пазуху и достал маленький бурдючок. — На вот, успокойся и согрейся!

— Да тут и одному горло не промочить!

— А ты попробуй, попробуй! — загадочно улыбнулся в усы Маркус.

Штефан вытащил пробку, сделал большой глоток, поперхнулся и закашлялся. На глазах выступили слезы.

— Что это?! — прокашлявшись, спросил он. — Это не вино!

— Шнапс! Новый иноземный напиток из пшеницы, жена сделала. А ей рецепт дала Грета, свояченица Дитмара! Он куда крепче вина пробирает и веселит. Сейчас тебе теплее станет, вот увидишь!

Он протянул товарищу откуда-то появившуюся в руке сухую лепёшку с ломтиком вяленой говядины.

— Глотни ещё и закуси!

Штефан отказываться не стал и в точности последовал совету. Затем Маркус взял бурдючок и тоже выпил.

— Ну как, потеплело? — спросил он.

— Угу, — кивнул напарник, хрустя сухарём.

— Вот видишь! И страхи всякие в голову не лезут!

Они помолчали, прислушиваясь к шуму дождя и ветра.

— Это какой Дитмар? — вдруг спросил Штефан.

— Он из таможенной стражи, здоровый такой. Охраняет тех, кто товары проверяет. Они все новинки первыми пробуют. Вот какой хороший рецепт вызнал у немецкого купца!

Штефан кивнул.

— И вообще... Днем проверяют, по ночам спят, а мы тут торчим на ветру...

Маркус оживился и еще раз приложился к бурдюку.

— Мало того! Говорят, что они не всю пошлину в казну сдают, часть себе оставляют. Ты пей, пей!

— Кто говорит? Опять Хитрый? Так ему точно верить нельзя!

— А ты думаешь, они всё отдают?

— Не знаю. Они же монахи, люди божьи. Зачем им деньги?! И потом, они все в книгу записывают!

— Ну, не скажи! Записать можно все что угодно!

— Не знаю, — повторил захмелевший Штефан, снова пригубил быстро пустеющий бурдючок и вернул напарнику.

— Всё равно не завидуй им! — сказал он после паузы. — Ты утром пойдёшь домой, к своей жене, будешь любить её и пить это крепкое иноземное вино...

— Обязательно! — расплылся в улыбке Маркус.

— Ну вот! А они же монахи, им вообще женщин любить нельзя. Да и вино пить — тоже...

— И то верно! — согласился Маркус. — Не хотел бы я с ними поменяться! Лучше помёрзнуть тут немного...

— Во-оо-от! — назидательно поднял палец Штефан. — Тем более что уже и не холодно. Только Дитмар, скажу я тебе, все равно лучше всех устроился. Дежурит днем, жену любит, крепкое вино пьет...

— Да, но зрителю Вагнеру всё равно лучше: он и не монах, а спит сейчас не в деревне, а здесь, в тёплой постели с какой-нибудь бабенкой, имеет слуг и иноземное вино раньше нас попробовал. А мы его охраняем...

— Ты еще Господину позавидуй! Или самому императору! — Штефан даже присел. — За такие слова — мигом голова с плеч слетит!

— А что я сказал? — понизил голос Маркус. — Что ты всего боишься? Как он узнает?

— Узнает! У него везде свои уши, — прошептал Штефан, отвернулся и принялся вглядываться в гро-

зовую ночь, как будто бдительно нес службу. Но напарник понял, что он просто не хочет разговаривать на тему, щекотливую, как меч палача...

К утру дождь закончился. С рассветом воздух наполнился туманом и трелями птиц. Благоухающая после дождя зелень радовала глаз, и даже серые стены замка не казались уже такими мрачными. Сменившиеся замковые стражники ушли по домам, отдыхать, а их дневные собраты заступили на службу.

Весеннее солнце быстро осушило землю, туман рассеялся, и Дитмар с еще одним таможенным стражником вышли на дорогу рядом с крепостью в ожидании проезжих торговцев, чтобы скрестить перед ними алебарды и направить в замок, где таможенные монахи проверят, что за товар они везут, и определяют пошлину за провоз.

А вскоре показался и первый обоз. Четыре запряжённых лошадьми кибитки медленно ползли по дороге в сторону Альп. По мере их приближения к замку стало понятно, что обоз побывал под дождём прошлой ночью: крупы лошадей, тенты кибиток, борта и колёса, — всё было покрыто засохшей грязью.

Не дожидаясь команды, из первой повозки на ходу выпрыгнул, по всей видимости, хозяин товара — не старый ещё, но толстый, с большим животом мужчина в простой грубой одежде. Он неуклюже подбежал на неестественно тонких для такого тела ногах к стражнику, почтительно поклонился. Лицо у него уже было загорелым, на правой щеке, от скулы к подбородку, тянулись четыре свежих царапины.

Обоз остановился. При ближайшем рассмотрении выцветшие тенты кибиток оказались усеяны множеством мелких точек — следами искр от костра. Некоторые прогары были тонкими, как прокол от иголки, а сквозь самые крупные из них смогла бы проскочить

и лесная мышь. От этого кибитки просвечивались насквозь, как дуршлаг на солнце. Ясно, что от большого дождя такие тенты спасали плохо.

Дитмар заглянул внутрь. Все повозки были загружены большими, плетёнными из виноградной лозы прямоугольными корзинами с крышками. Что в них находится, предстояло выяснить, хотя хозяин скороговоркой что-то объяснял про дешёвые носильные вещи, которые он везет для большой семьи, и жестами показывал, что очень спешит. Но на слово торговцам здесь уже давно никто не верил. Поэтому стражники даже не стали его слушать.

— Заезжай на досмотр! — отмахнулся Дитмар. — Туда! Там всё расскажешь монахам, а они проверят! И если совершь, то я поправлю и вторую половину твоей плутовской рожи!

Для убедительности он показал огромный кулак.

Из второй кибитки неожиданно появилась молодая женщина. Прилично одетая, явно не простолюдинка, хотя и знатной дамой назвать её можно было с натяжкой — хотя бы потому, что знатные дамы путешествуют не с сомнительной компанией в торговом обозе, а в каретах, с кучером, охраной и прислугой. Придерживая по бокам подол длинного бежевого платья, она тоже направилась к стражникам. Загорелый бородач тем временем выгрузил из кибитки круглую плетеную корзину, кожаный узел и поставил их на траву у обочины. Женщина издевательски помахала ему рукой.

— Как твоя щека, Куно? Промой лошадиной мочой, а то может быть воспаление! Хотя ты мочой каждый день умываешься... Лучше занеси мои вещи в замок!

Куно угрюмо отвернулся.

— Добрый день! — обратилась она к Дитмару, ода-
рив его ослепительной улыбкой. — Мне нужно погово-
рить с Господином!

Дитмар смерил незнакомку оценивающим взгля-
дом. Высокая, статная, умеет носить хорошую одежду
и любезно разговаривать. Возраст определить трудно:
замысловато повязанный на голове синий платок
скромно скрывал лоб, подбородок и, наполовину,
щёки. Только быстрые голубые глаза выдавали моло-
дость и живость характера. И еще кое-что: таких глаз
не может быть у некрасивых женщин!

Стражник подтянулся. Он был бы не прочь служить
в охране у такой дамы. Тем более раз она спрашивает
самого хозяина замка, то принадлежит к высшим
слоям общества, хотя и приехала на столь неказистом
обозе. Но в жизни всякое бывает!

— Здравствуйте, фрау! Пойдёмте, я провожу вас до
ворот!

— Скажите этому прохиндею, чтобы донес мои
вещи. Меня он не слушает, но вам отказать не посмеет!

— Да, да, конечно! — Дитмар наставил на Куно
алебарду. — Слышал, что повелела дама? Лучше поше-
веливайся, пока я не пощекотал твое жирное брюхо!

Тяжело вздохнув, хозяин вновь погрузил вещи
в кибитку и повел обоз к замку, колеса простучали по
бревнам подъемного моста над заилненным и покры-
тым ряской рвом, а у распахнутых ворот Куно вновь
выставил корзину и узел и проехал дальше, под навес,
где располагалась таможня.

Дитмар галантно сопровождал незнакомку к воро-
там. Там их встретил начальник замковой стражи Рай-
мунд Кёниг — еще молодой, симпатичный человек
с мужественным лицом. Доспехи у него были такие
же, как и у остальных, только оружие другое: вместо
алебарды — меч и кинжал с красивыми рукоятками,

да на шлеме плюмаж из перьев павлина. Держался он как человек, облеченный властью, и выглядел от этого важным и значительным. Гостья повторила свою просьбу.

— Прямо сразу к господину? К самому князю фон Бауэрштейну?! — с явным удивлением спросил офицер. — Вы с ним знакомы? Или у вас есть рекомендательное письмо?

— Пока нет, но...

— Ясно! — не дослушав, ответил главный стражник. — Ожидайте здесь!

Он удалился, а гостья осталась ждать у ворот рядом с вещами, наблюдая от нечего делать, как под навесом молодой монах в чёрной рясе и красном пилеолусе¹ проверяет содержимое корзины первой кибитки обоза. Хозяин по привычке всё тараторил что-то без умолку, но монах, не обращая внимания, продолжал делать своё дело.

— Разве это старые вещи? — спросил он, растягивая дорогие кастильские кружева. — И это? И это?

Он показывал фарфоровую посуду, бурдюки с вином, какие-то бочки... Монах постарше аккуратно записывал каждый предмет в толстую книгу. Собравшиеся зеваки осуждающе качали головами и хмуро переговаривались.

С каждой новой демонстрацией своих богатств Куно мрачнел, и наконец, обреченно махнув рукой, отошел и сел прямо на землю.

Время тянулось медленно, дама уже устала ждать. Но делать было нечего.

Монах досматривал уже последнюю повозку, когда из ближней к воротам двери вышел строгий пожилой

¹ Пилеолус — облегающая темя шапочка, позволяющая держать тонзуру в тепле.

мужчина с небольшой аккуратной бородкой и усами, окинул визитёршу внимательным взглядом и поздоровался. Одет он был не по-монашески: в синий приталенный дублет на шнуровке поверх бордовой рубашки, пышные бордовые штаны с привязью до колен, чёрные чулки и мягкую чёрную шляпу, а на боку красовалась длинная шпага на подвеске, украшенной золотой вязью.

— Я кастелян¹, — учтиво представился он. — Иосиф Вагнер.

— Очень приятно! А я Клара. Клара Майер. Я еду из Вены.

— Чем могу быть вам полезен?

Клара немного растерянно, как показалось Вагнеру, осмотрелась по сторонам. Неподалеку стояли две любопытные женщины, с интересом рассматривающие таинственную незнакомку, ведущую беседу с управляющим. Прямо под ногами копошились куры, выклеывающие травинки, пробившиеся между булыжников мостовой. Беспородная собака с облезлой шерстью, задрав ногу, справляла нужду на угол здания.

— Можно поговорить в другом месте? — негромко попросила она. — Мне не очень удобно...

— Хорошо! Следуйте за мной! О вещах не беспокойтесь, их никто не тронет!

Они вошли в ту самую дверь, откуда кастелян и вышел. Пройдя по мрачному, плохо освещённому коридору, остановились у серой дубовой двери, напротив которой было небольшое окошко. Рядом с дверью сидел на табурете рыжий долговязый парень в длинной заношенной рубахе, перепоясанной веревкой. При виде кастеляна он вскочил. Вагнер открыл дверь, и полоса яркого света легла на пол коридора.

¹ Смотритель замка, управляющий.